

Замир К. Тарланов (Петрозаводск)

Фольклорные традиции и их роль в Путешествии из Петербурга в Москву А. Н. Радищева

Ключевые слова:
Радищев, текст,
интертекстуальность,
фольклоризм, структура
нарратива, жанры фольклора,
русский литературный язык
и русская литература XVIII в.

У текста *Путешествия из Петербурга в Москву* А. Н. Радищева анализируются мотивы, тема и жанровые русские фольклора с аспекта их содержания, стилистических функций, и рассматривается роль того книжного дела в процессе становления русской реалистической прозы и русского книжного языка XVIII века.

В 2009 году исполнилось 260 лет со дня рождения, а в 2010 году – 220 лет со времени первой публикации знаменитого *Путешествия из Петербурга в Москву* Александра Николаевича Радищева (1749–1802), выдающегося русского писателя, публициста и философа XVIII века, последовательного антикрепостника и яркого выразителя демократических идей в России.

А. Н. Радищев – один из тех, кто стоял у истоков развития русской национальной литературы, национального русского литературного языка, прочно занимая свою собственную нишу в обозначении направлений движения общественной,

социальной, интеллектуальной мысли в России в конце XVIII в.

Идя заведомо опасным путем, Радищев зарабатывал свой «задел» в залог успехов бурного и потрясающе плодотворного русского XIX столетия, вошедшего в историю национальной и мировой культуры как золотой век русской литературы. Этот задел, однако, по разным причинам не был безусловно принимаемым всеми. Более того, он не был очевидным и приемлемым ни для многих его современников, ни для многих представителей последующих поколений.

Его идеи в силу их радикальной революционности применительно к россий-

Стиль 2011

ской действительности не только рубежа XVIII–XIX веков пугали даже тех, кто в реальной жизни относился к числу его последователей. Характерен в этом отношении, например, упрек А. С. Пушкина в адрес будущего декабриста А. А. Бестужева, высказанный им в письме из Кишинева от 13 июня 1823 г. в связи с содержанием его статьи по истории русской литературы, в которой А. Н. Радищеву не нашлось места: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу – а от тебя его не ожидал» (Пушкин 1979: 51).

Хотя позже Пушкин давал несколько другую оценку Радищеву, в том числе и за его, как он считал, «слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приносившие ко всему», за его «горькое злоречие», раздражавшее «верховную власть» (Пушкин 1950: 379), тем не менее в ранних суждениях поэта исторически адекватно была замечена роль Радищева в качестве важного сигнала о пробуждении таких глубинных сил России, которые еще не проявились, но должны проявиться.

Именно от Радищева, первым изображившего народ в художественной литературе и сделавшего русского крепостного ее героем (Макогоненко 1952: XXVIII), ведется одна из важнейших линий великой русской литературы, на которой так или иначе располагаются не только декабристы и Белинский, революционные демократы и Герцен, разночинцы, Некрасов и представители «тенденциозной» поэзии, не только Горький и последующая советская литература, но и те, кто к этой линии непосредственного отношения не имеет. Подтверждение тому и ранние редакции стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», в котором

прямо утверждалось: «Вослед Радищеву восславил я свободу» (Пушкин 1977: 339).

Жизнь народа, горькая доля крепостного человека во всю ширь выведены им в его *Путешествии из Петербурга в Москву*, которое А. С. Пушкин называл «причиной его несчастья и славы» (Пушкин 1950: 379). После издания небольшим тиражом самим автором в 1790 г. оно было под запретом и не публиковалось вплоть до 1905 г. (Макогоненко 1952: XLIX).

Что именно народ занимает в нем центральное место, видно уже из его композиционного строения.

Во-первых, оно начинается и завершается обращениями к любезнейшему другу и «любезному читателю». Ключевой в начальном обращении является фраза «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала» (Радищев 1952: 61. Далее страницы в круглых скобках в тексте – по этому изданию). Все дальнейшее повествование – это описание «страданий человечества». Ключевая же фраза в финальном обращении построена как конструкция представления и не содержит явного суждения, а в композиционной структуре соотносительна с первой фразой, являясь как бы эмоциональной реакцией на нее.

Во-вторых, путешествующего со следующей же станции после выезда из Петербурга сопровождает «заунывная» народная песня, которая звучит то в устах извозчика («София»), то слепого старика («Клин»), то в устах матери и невесты, переходя в плачи по сыну и возлюбленному, отдаваемому в рекруты («Городня») и т. д.

В-третьих, безусловно примечателен и тот факт, что замыкает повествование путешественника знаменитое «Слово о Ломоносове», о самородке, о выходе из народной среды окраинной России, ставшем гордостью Отечества.

Ломоносов предстает в нем не только как ярчайшее свидетельство огромных возможностей, заложенных в простых людях, но и как символ веры в будущее народа. Поэтому не случайно «заунывная песня извозчика», «душевная скорбь», не отделяемая от народной песни, к тому же по настроению недалеко отстоящей от жанра плача, перед «Словом о Ломоносове» трансформируется в возвышенно-торжественную *песнь*: «Пускай другие, раболепствуя власти, превозносят хвалюю силу и могущество. Мы воспоем *песнь заслуге к обществу*» (*Черная грязь*, с. 189. Курсив мой. – З. Т.).

Исследователи творчества Радищева справедливо указывали на то, что «в решении своей новаторской задачи писателя-революционера» он «опирался главным образом на песню» (Макогоненко 1952: xxxi). Это безусловно так. Вместе с тем очевидно, что роль песни как жанра существенна в целом в решении собственно художественных задач повести, о чем свидетельствуют и используемые писателем внутрижанровые переходы, как, впрочем, и возможности других жанров – сказок, пословиц, поговорок, молитв и т. д. В то же время «в *Путешествии* показана вся Россия, все слои общества, от крестьянина до царя, затронуты все основные вопросы социального, политического, культурного ее бытия. Радищев говорит о крепостном праве, о монархии, о бюрократии, о сословной гордости дворянства, о моральных основах и быте различных классов, о купцах, о вексельном законодательстве, о проституции, о педагогике, о поэзии и т. д. и т. д.» (Гуковский 1937: xlix).

Но центральная тема «Путешествия» – крепостничество. Все остальные темы производны от нее. И все они разработаны подробно и самобытно.

Изображая крепостничество, Радищев не ограничивается показом сцен, демонстрирующих его бесчеловечность, хотя эти сцены и сами по себе в высшей степени выразительны и убедительны. Он широко использует возможности жанровых традиций устнопоэтической народной словесности, ибо актуализируемые ими этнокультурный опыт и оценки не нуждаются в доказательствах: они объективны и универсальны в пределах этнической концептосферы.

Как замечено исследователями со времен А. И. Герцена (Макогоненко 1952: xxx), совершенно особое место в «Путешествии из Петербурга в Москву» занимает все же народная песня, которая служит главной опорой в новаторски-революционных решениях Радищева, считавшего эстетику народной песни очень близкой для своей эстетики (Макогоненко 1952: xxxi–xxxii).

Настрой повествователя в «Путешествии», обусловленный увиденным во круг и сопровождающий его всюду, гармоничен с «заунывной песней» извозчика, выражающей некую «скорбь душевную». Но это не скорбь отчаяния, а проявление «души народа», его мягкости, созвучной «мягкому тону» народной песни, природной задумчивости русского человека, переливчивости его настроений от тихой «скуки» до «порывистости в веселии», «отважности» и «сварливости». Отсюда вытекает и важная, по мысли писателя, общественно значимая практическая задача для правителей – уметь соответственно «учреждать бразды правления» (*София*, с. 63).

Таким образом, народная песня дает ясное представление о народном характере, его природной самобытности, в согласии с которыми должна выстраиваться и государственная власть.

Вместе с тем народная песня служит в «Путешествии» контрастным фоном, усугубляющим восприятие узаконенного бесправия простого человека, продаваемого и покупаемого как вещь, независимо от его заслуг перед Отечеством, личных достоинств, пола и возраста. Так, в главе «Медное» путешественник оказывается свидетелем «хоровода молодых баб», который водился под песню «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли». Но когда он узнал, что за событие здесь разыгрывается под звуки хоровода, то его «уши задержались печалию, и радостный глас нехитроостного веселия до сердца... не проник». Там продавался дом вместе с шестью проживавшими в нем душами мужского и женского пола, в числе которых были старик 75 лет, участник Крымского похода при фельдмаршале Минихе, жена его 80 лет, бывшая кормилицей матери молодого барина; женщина 40 лет, кормилица самого молодого барина; ее дочь, 18 лет с ребенком, внучка стариков, изнасилованная молодым барином (*Медное*, с. 162–163).

Через песню же Радищев раскрывает природные честность и чувство собственного достоинства простого русского человека в сцене со слепым стариком со «сребровидной главой», поющим песнь об «Алексие божием человеке» (*Клин*, с. 183–184).

Если эстетика песни возвышенна и ведет к возвышенному же в *Путешествии из Петербурга в Москву*, связываясь с русской народной психологией, согласующимся с нею государственным устройством и перерастая в конце повествования в *торжественную песнь* – «Слово о Ломоносове», то в совершенно иной функции используются сказка, сказочные клише, формулы и имена.

Сказочно невероятными, тем не менее реальными для российской чиновничьей жизни предстают дела и поведение некоего «государева наместника», о которых, коротая ночлег по пути в Новгород, в манере сказки рассказывает своей жене в главе «Спасская полесь» какой-то присяжный Клементьич, остановившийся в той же крестьянской избе, что и путешественник.

Путешественник, оказавшийся случайным свидетелем разговора, услышал следующее: «жил-был где-то государев наместник», который в молодости «та-скался по чужим землям, выучился есть устерсы и был до них великий охотник» (с. 74). До получения чина ему приходилось подавлять свои желания, так как денег нехватало. Однако как только «полез в чины», устерсов стало прибавляться. Совсем хорошо пошли дела, когда «попал в наместники». С этих пор якобы «с наимужнейшими донесениями» отправлял специального курьера за устерсами два раза в году в Петербург и многократно – в Москву, выплачивая «прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы» (*Спасская полесь*, с. 75).

Когда «казначейская книга пошла на ревизию», никаких устерсов не заметили, а курьера Н. Н. за старание из сержантов произвели в прапорщики.

Завершая рассказ, присяжный жалуется, однако, на то, что его начальник-казначей никогда не представляет его к награде, на что жена Кузминична отвечает: «– И... полно, Клементьич, пустяки-то молоть. Знаешь ли, за что он тебя не любит? За то, что ты промен берешь со всех, а с ним не делишься» (Там же, с. 75).

В рассказе присутствуют многие составляющие сказки – невероятное с точки зрения реальной жизни содержание,

типичные начальные формулы, счастливый конец, повторяющиеся ситуации и выражения, сказочные имена (Бова, Полкан, Соловей). Но сказочной жизнью живут в России лишь чиновники и помещики.

Роли сказки диаметрально полярна в *Путешествии* содержательно-композиционная роль воплей, плачей как жанра. Путешественник становится их свидетелем, как только въехал в деревню Городня. Плакали все: «жены, дети и старцы». Шел рекрутский набор из многих казенных и помещичьих селений. «В одной толпе» вопила «старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня», жалуясь на ожидаемое свое сиротство без «любезного дитятки». Рядом с нею вопила «девка уже взрослая», что ее «друг сердечный», «красное солнышко» «покидает» ее по вине «бесчеловечных старост» «ни вдовую, ни мужню женою» (Городня, с. 174–175). В обоих плачах, достаточно развернуто вербализованных, рисуется тягостная картина беспросветно-сиротской жизни матери и возлюбленной молодого человека, отдаваемого в рекруты.

Особое и значительное место в *Путешествии* занимает и молитва в качестве одного из его текстообразующих составляющих (Об изучении подобного рода текстов см. Тарланов 2005: 605–620). Однако в отличие от песни и сказки, молитва в *Путешествии* не имеет строгой социальной привязки.

Сопровождая определенные жизненные ситуации с труднопрогнозируемыми или непрогнозируемыми исходами, молитва появляется спонтанно и с разной степенью содержательной и формальной полноты. Таковы, например, обрывки молитвы, радостно произносимые се-строрецким путешественником в бла-

годарность за спасение (Чудово, с. 72); обращения отца-дворянина к «владыке всецедрому» и к «Господи», оформленные в основном с соблюдением начальных и срединных молитвенных норм, по случаю расставания с сыновьями, по дворянской традиции отдаваемыми на военную службу (Крестцы, 109, 119); тридцатилетний молодой мужчина считает, что «господь услышал молитву» его и он, став свободным, с надеждой идет в рекруты (Городня, с. 175); и др.

Полифункциональностью отмечена в *Путешествии* лишь пословица или пословичная формула, которая используется в речи самых разных его персонажей и в разных ситуациях: и в речи земледельца (Да хотя растянись на барской работе – Любани, 66), и в речи присяжного Клементьича (Царь жалует, а псарь не жалует – Спасская полесть, 75), и в дискурсе путешественника (Тише едешь, дале будешь – Спасская полесть, с. 73; Голод – не свой брат – Пешки, с. 186); и т. д.

Таким образом, *Путешествие из Петербурга в Москву* пронизано фольклорными составляющими самого разного достоинства, начиная от фольклорной фразеологии (поговорок, устнопоэтически окрашенных слов и выражений) и кончая целыми фольклорными жанровыми типами, подчиненными решению вполне определенных стилистико-художественных задач. Это есть одно из действительных проявлений его подлинной народности, глубоко созвучное магистральной линии развития русского литературного языка в конце XVIII в. Отсюда следует также, что без учета этого момента трудно давать общую объективную оценку роли книжной и народной традиции в языке творчества А. Н. Радищева.

summary

[ZAMIR K. TARLANOV]

**The role of folklore traditions in *The Journey from Petersburg to Moscow*
by A. N. Radishev**

18

The article is devoted to the XVIII century as one of the most important stages of the formation of literary Russian. The development and democratization literary language process is being covered considering European influence on the one side and Russian one on the other – the latter especially appears in Radishev's *The Journey from Petersburg to Moscow* in purely folklore respect. The main points of inquiry are set on Radishev's role in politics/philosophy terms' system formation existed in the early period of literary Russian.

It is also stated that *The Journey from Petersburg to Moscow* includes broad range of various folklore components scaling from folklore phraseology (sayings and expressions) to folklore genres' types taken as a whole which solve the stylistic and artistic problems. Facts like that display the genuine folk core features corresponding with main stream of literary Russian development taken place at the close of XVIII century. From the author's standpoint any objective appreciation of the literary-folk tradition ratio in Radishev's works disregarding such moments seems impossible.

Литература

- Гуковский 1937: **Гуковский Гр.** Вступительная статья. – In: Русская литература XVIII века. – Редакция, вступительная статья и примечания Гр. Гуковского. – Ленинград: Изд-во художественной литературы. – С. VII–LXIII.
- Макогоненко 1952: **Макогоненко Г. П.** Жизнь и творчество А. Н. Радищева. – In: Радищев А. Н. Избранные сочинения / Подготовка текста и вступительная статья Г. П. Макогоненко. – Москва: Государственное издательство художественной литературы. – С. III–XLIX.
- Пушкин 1979: **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. 4-е. Т. X: Письма. – Ленинград: Наука. 711 с.
- Пушкин 1950: **Пушкин А. С.** Александр Радищев // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. – Москва: Изд-во художественной литературы, 1950. 680 с.
- Пушкин 1977: **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. 4-е. Т. III. – Ленинград: Наука. – 495 с.
- Радищев 1952: **Радищев А. Н.** Путешествие из Петербурга в Москву. – In: Радищев А. Н. Избранные сочинения / Подготовка текста и вступительная статья Г. П. Макогоненко. – Москва: Государственное издательство художественной литературы. – С. 61–218.
- Тарланов 2005: **Тарланов З. К.** Заметки о синтаксисе гимнов русских баптистов. – In: Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. – С. 605–636.